Одним из самых выдающихся свидетельств в защиту Реформации стал протест князей Германии на государственном сейме в Шпейере в 1529 году. Мужество, вера и решительность этих мужей Божьих отвоевали свободу мысли и совести для грядущих веков. Благодаря этому протесту, церковь Реформации стала называться протестантской, его принципы составляют "самую суть протестантизма".

Для Реформации наступили мрачные и грозные дни. Вопреки Вормсскому эдикту, объявившему Лютера вне закона и запрещавшему его учение, все же в стране преобладала религиозная терпимость. Божественное провидение сдерживало силы, борющиеся с истиной. Карл V не раз собирался нанести сокрушительный удар Реформации, но вынужден был отступать. Часто неминуемая гибель грозила всем, кто осмеливался сопротивляться Риму, но в самый критический момент появлялась на восточной границе турецкая армия или французский король, а то и сам папа, с завистью смотревший на возрастающее могущество императора, — начиналась война, и, таким образом, среди распрей и волнений Реформация продолжала усиливаться и расширяться.

Наконец папские вельможи преодолели свою вражду и объединились, чтобы совместно бороться против реформаторов. Государственный сейм, который собрался в 1526 году в Шпейере, предоставил каждой из немецких земель свободу в вопросах религии до созыва вселенского собора, но едва миновала опасность, вынудившая пойти на эту уступку, как уже в 1529 году император созвал второй сейм для подавления ереси. Было решено, что князья попробуют мирным путем противодействовать Реформации, но в случае неудачи Карл был готов обратиться за помощью к мечу.

Приверженцы папы ликовали. Во множестве собравшиеся в Шпейере, они и не пытались скрыть своего враждебного отношения к реформаторам и их покровителям. Меланхтон писал: "Мы стали проклятием и отбросами мира, но Христос смилосердствуется над Своим бедным народом и спасет его". Князьям-протестантам, приехавшим на сейм, было запрещено даже проповедовать Евангелие в домах, где они остановились. Но жители Шпейера жаждали услышать Слово Божье, и, невзирая на запрещение, тысячи людей стекались на богослужения, происходящие в часовне курфюрста Саксонского.

Это ускорило кризис. Император обратился к сейму, требуя отменить постановление о свободе вероисповедания, утверждая, что оно послужило поводом к многочисленным

беспорядкам. Этот произвол вызвал возмущение и тревогу среди христиан-протестантов. Один из них заметил: "Христос снова оказался в руках Каиафы и Пилата". Римское духовенство становилось все более агрессивным. Один папист-фанатик сказал: "Турки лучше лютеран, потому что они соблюдают посты, а лютеране этого не делают. Если мы должны выбирать между Словом Божьим и старыми заблуждениями церкви, тогда следует отвергнуть первое". Меланхтон писал о Фабере: "Каждый день он швыряет новыми камнями в нас, вестников Евангелия".

Религиозная веротерпимость была установлена законным путем, и протестантские княжества решили бороться против такого нарушения своих прав. Лютер, согласно Вормсскому эдикту все еще находящийся в государственной опале, не имел права присутствовать в Шпейере, но вместо него поехали его единомышленники и князья, которых Господь вразумил выступить в защиту Своего дела. Благородный Фридрих Саксонский, прежний покровитель Лютера, умер, но вступивший на престол его брат герцог Иоганн приветствовал реформацию и, стремясь к миру, проявил много энергии и бесстрашия во всех делах, касающихся веры.

Священники требовали, чтобы княжества, принявшие Реформацию, безоговорочно подчинились правосудию Рима. Реформаторы же хотели получить провозглашенную ранее свободу. Они не могли согласиться с тем, чтобы государства, принявшие с таким воодушевлением Слово Божье, вновь подпали под власть Рима.

В конце концов было предложено компромиссное решение — там, где Реформация еще не утвердилась, Вормоский эдикт оставался в силе, а "там, где народ не подчинился ему и где приведение его в действие чревато восстанием, не производить никаких реформ, не затрагивать в проповедях спорных вопросов; не препятствовать служению мессы и не разрешать католикам переходить в лютеранство". К великой радости папских священников и прелатов, это предложение было одобрено сеймом.

Если бы это решение проводилось в жизнь, "Реформация не смогла бы распространяться... в новых местах и упрочиваться... там, где она уже существовала". Следовательно, свобода слова была бы запрещена, обращение в истинную веру стало бы невозможным. От приверженцев Реформации требовали немедленно подчиниться этим ограничениям и запретам. Надежда для мира, казалось, была почти потеряна. "Восстановление римской иерархии... неизбежно привело бы к возрождению прежних злоупотреблений", и скоро нашли бы возможность "для полного уничтожения движения, и так расшатанного" фанатизмом и раздорами.

Встретившиеся для совещания представители протестантской партии с полным отчаянием смотрели друг на друга. У всех на устах был один и тот же вопрос: "Что предпринять?" Ответ на этот вопрос имел огромнейшее значение для мира. Согласятся ли руководители Реформации принять новый указ? Как легко в этот поистине решающий час реформаторы могли бы убедить себя в необходимости занять неправильную позицию. Сколько благовидных предлогов и справедливых доводов они могли бы найти для того, чтобы оправдать свое подчинение Риму! Лютеранским князьям была гарантирована свобода вероисповедания. Подобная привилегия распространялась и на тех, кто до выхода этого указа уже был на стороне Реформации. Неужели этого им было мало? Скольких опасностей они могут избежать, если подчинятся новому указу! Какие неизведанные бури и грозы ожидают их в случае неподчинения! Может, когда-то в будущем откроются более благоприятные возможности? Давайте изберем мир; примем масличную ветвь, предлагаемую Римом, и залечим раны Германии. Рассуждая подобным образом, реформаторы могли бы оправдать принятие компромиссного предложения, что в самом скором времени привело бы к краху их движения.

"К счастью, глубокая вера руководила всеми их действиями, и они обратили самое серьезное внимание на принцип, лежавший в основе этого предложения. В чем же он заключался? Это было право Рима принуждать совесть и запрещать свободу мысли. Но разве им лично и их подданным — протестантам не предоставлялась свобода вероисповедания? Да, как милость, специально обусловленная этим предложением, но не как право. Что же касалось всего другого, оставшегося за рамками договора, то там по-прежнему сохранялся культ власти, совесть становилась неуместной, Рим же оставался непогрешимым судьей, которому нужно было подчиняться. Принять предложенный договор значило признать, что свобода вероисповедания допускается только в протестантской Саксонии, а во всем остальном христианском мире свобода мысли и приверженность Реформации являются преступлением и влекут за собой тюрьму и костер. Могли ли они согласиться с тем, что религиозная свобода ограничивается строгими рамками, и тем самым заявить, что уже все обращены в истинную веру? Могли ли они допустить, чтобы там, куда простиралась власть Рима, его господство было увековечено? Могли ли реформаторы считать себя невиновными в крови сотен и тысяч тех, кто в результате этого компромисса расстанутся с жизнью в папских странах? Это означало бы изменить Евангелию и свободе христианства в самый критический час". Нет, скорее они "пожертвуют всем: своим положением, своим состоянием и своей жизнью".

"Мы отвергаем этот указ, — сказали князья, — в вопросах, касающихся совести, мнение большинства не имеет силы". Депутаты заявили: "Мир, которым наслаждается империя, — результат декрета 1526 года. Отмена этого декрета наполнит Германию волнениями

и раздорами. Сейм неправомочен поступать иначе, как только поддерживать религиозную свободу, пока не будет созван собор". Защищать свободу совести — это долг государства, здесь проходит граница его полномочий в религиозных делах. Всякое правительство, пытающееся регулировать духовную жизнь гражданскими законами, жертвует именно тем принципом, за который так благородно сражались христиане-протестанты.

Паписты решили подавить то, что они именовали "дерзким упрямством". Они сделали попытку посеять раздор среди защитников Реформации и запугивали тех, кто не оказывал им поддержки. Наконец сейм призвал представителей свободных городов и потребовал от них прямого ответа: согласны ли они с предложенными условиями? Те попытались было помедлить с ответом, но напрасно. Вынужденные отвечать, почти половина городских депутатов присоединились к реформаторам. Те, кто отказались пожертвовать свободой совести и правом на собственное мнение, хорошо знали, что их ожидают обвинения, осуждение и преследование. Один из делегатов сказал так: "Мы должны или отречься от Слова Божьего, или погибнуть на костре".

Императорский представитель на сейме король Фердинанд видел, что указ вызовет серьезные разногласия, если обманным путем не заставить князей принять и поддержать его. Поэтому он употребил все свое искусство, чтобы убедить их, прекрасно зная, что принуждение только придаст им решимости. Он "упрашивал князей принять этот указ, уверяя, что императора это чрезвычайно обрадует". Но эти верные мужи подчинялись власти, которая выше земных царей, и они спокойно ответили: "Мы повинуемся императору во всем, что может способствовать сохранению мира и прославлению Бога".

Наконец перед всем сеймом царь объявил курфюрсту и его сторонникам, что "вскоре этот эдикт выйдет в виде императорского указа, и им остается лишь подчиниться большинству". Сказав это, он оставил собрание, не дав реформаторам никакой возможности для размышления или ответа. "Напрасно они посылали делегацию к королю, умоляя его вернуться". На все их просьбы он отвечал: "Дело решенное, вам необходимо подчиниться".

Сторонники императора не сомневались, что христианские князья будут по-прежнему ставить Священное Писание неизмеримо выше всех человеческих учений и требований. Они знали, что там, где придерживались этого принципа, папство в конечном итоге терпело поражение. Но, подобно тысячам своих современников, "взирающих только на видимое", они обольщали себя мыслью, что приверженцы императора и папы гораздо

сильнее реформаторов. Если бы реформаторы полагались только на помощь людей, то они, действительно, были бы такими же бессильными, как думали их враги. Но они, несмотря на свою малочисленность, несмотря на немилость Рима, были сильны. Они обратились "от решения сейма к Слову Божьему и от императора Карла — к Иисусу Христу, Царю царей и Господу господствующих".

Поскольку Фердинанд отказался выслушать их, князья решили, невзирая на его отсутствие, немедленно представить свой протест на рассмотрение государственного совета. Они составили торжественную декларацию и представили ее сейму: "Перед Богом, нашим Единым Творцом, Защитником, Искупителем и Спасителем, Который однажды будет судить нас, а также и перед всеми людьми и всем живущим, торжественно заявляем, что ни мы, ни наш народ не согласны ни с одним пунктом указа, который противоречит Богу, Его Святому Слову, нашей доброй совести и спасению нашей души.

Как мы можем принять этот указ?! Как согласиться с тем, что Всемогущий Господь призывает каждого из нас познать Его, а человек лишен права получить это познание о Боге? Только учение, которое согласуется со Словом Божьим, может считаться истинным и верным. Господь запрещает учить иному... Священное Писание должно поясняться другими, более понятными текстами, эта святая Книга, необходимая христианам, легко воспринимается и призвана рассеивать мрак. Милостью Божьей мы принимаем решение проповедовать только подлинное Его Слово, которое содержится в книгах Ветхого и Нового Заветов, не прибавляя к ним ничего, что могло бы противоречить ему. Это Слово — единственная истина, надежное правило жизни и основание любого учения, оно никогда не подведет нас и не обманет. Тот, кто стоит на этом основании, устоит против всех сил ада, а любое человеческое безумие, восстающее против него, падет пред лицом Божьим.

По этой причине мы и свергаем иго, тяготеющее над нами... В то же самое время мы надеемся, что его императорское величество отнесется к нам, как и подобает христианину, любящему Бога превыше всего; мы выражаем ему, а также и вам, милостивые государи, свою любовь и покорность, ибо это есть наш прямой и законный долг".

Это произвело глубокое впечатление на сейм. Отвага людей, заявивших такой протест, поразила и смутила многих. Перед ними рисовались картины грозного и мрачного будущего. Распри, вражда и кровопролитие казались неизбежными. Но реформаторы, уверенные в справедливости своего дела, полагаясь на руку Всемогущего, были

"исполнены мужества и твердости".

Принципы, изложенные в знаменитом протесте, составляли самую сущность протестантизма. Этот протест был направлен против двух злоупотреблений в вопросах веры: вмешательства светской власти в духовную жизнь человека и произвола духовенства. Протестантизм утверждал превосходство совести над светской властью и превосходство авторитета Слова Божьего над авторитетом церкви. Не признавая мирской власти в религиозных делах, протестанты вместе с апостолами говорят: "Мы должны больше слушаться Бога, нежели человека". Царство Карла V не интересовало протестантов, они были устремлены к Царству Иисуса Христа. Все учения, созданные человеком, должны быть подчинены служению истине Божьей". Протестанты также заявили о своем праве открыто выражать религиозные убеждения. Они желали не только верить и повиноваться, но и проповедовать истины Слова Божьего, отрицая возможность вмешательства в эти дела священников или властей. Протест в Шпейере, явившись торжественным воззванием против религиозной нетерпимости, утверждал право всех людей служить Богу по велению своей совести.

Протест был обнародован. Он остался в памяти тысяч людей, был внесен и в небесные книги, где его не сотрет никакая рука. Вся протестантская Германия поддержала этот протест как выражение своей веры. Повсюду люди видели в этой декларации начало новой и светлой эры. Один из князей так сказал протестантам в Шпейере: "Пусть Всемогущий, по милости Которого вы можете энергично, свободно и бесстрашно говорить о своей вере, сохранит вашу христианскую непоколебимость до пришествия Христа".

Если бы Реформация, достигнув определенных успехов, начала приспосабливаться ко времени и обстоятельствам, чтобы таким путем снискать расположение мира, тогда она изменила бы Богу и собственным идеалам и обрекла бы себя на гибель. Опыт этих благородных реформаторов содержит в себе урок для всех грядущих поколений. Средства, которыми пользуется сатана, сражаясь против Бога и Его Слова, не изменились, как и в XVI веке он по-прежнему яростно борется против того, чтобы человек руководствовался в своей жизни Священным Писанием. В наше время происходит значительное отклонение от принципов Писания, и ощущается серьезная необходимость вернуться к великому протестантскому принципу — Библия, и только Библия является мерилом веры и долга. Сатана продолжает свою работу, прибегая к любому средству, чтобы уничтожить религиозную свободу. Антихристианская власть, отвергнутая протестантами в Шпейере, теперь с новой силой стремится восстановить утраченное господство. И единственная надежда для протестантов наших дней заключается в непоколебимой преданности Слову Божьему, преданности, которую проявляли реформаторы во время кризиса XVI века.

Когда над протестантами нависла угроза, Всесильный Господь простер Свою руку, чтобы защитить своих верных детей. Вот один из ярких примеров. "По улицам Шпейера быстро шел Меланхтон вместе со своим другом Симоном Гренаусом. Он торопил своего приятеля быстрее переправиться на другой берег Рейна. Тот был удивлен такой спешкой. "Мне явился почтенный старец, убеленный сединой, — объяснил Меланхтон, — и поведал, что через самое непродолжительное время Фердинанд отдаст распоряжение арестовать Гренауса".

Днем видный папский богослов Фабер выступал с проповедью, в которой нападал на Гренауса. Тот выразил возмущение тем, что Фабер защищает "отвратительные заблуждения". Фабер скрыл свой гнев, но немедленно отправился к Фердинанду и заручился его согласием на арест надоедливого Гейдельбергского профессора. Меланхтон не сомневался в том, что Бог послал Своего ангела, чтобы спасти его друга.

Застыв на берегу Рейна, он ждал, пока Гренауса доставят на безопасный берег. Меланхтон, когда увидел его на противоположном берегу, облегченно вскричал: "Наконец он избавлен от ярости тех, кто жаждал его невинной крови". Когда Меланхтон возвратился домой, ему сообщили, что в поисках Гренауса офицеры перевернули весь дом.

Реформацию необходимо было возвысить перед великими мира сего. Фердинанд отказался выслушать протестантских князей, но им была предоставлена возможность изложить свои проблемы в присутствии императора и государственной и церковной знати. Стремясь покончить с распрями, терзавшими империю. Карл V спустя год после протеста в Шпейере созвал сейм в Аугсбурге и изъявил желание председательствовать на нем. Туда были приглашены и вожди протестантизма.

Реформации угрожала серьезная опасность, но приверженцы ее по-прежнему полагались на волю Божью и обещали оставаться верными Евангелию. Приближенные курфюрста Саксонского уговаривали его не появляться на сейме. "Император, — говорили они, — хочет заманить князей в ловушку. Оказаться в стенах города наедине с таким сильным врагом очень рискованно". Но другие благородные мужи заявили: "Пусть мужество не покинет князей, и дело Божье будет спасено". "Бог не оставит нас", — говорил Лютер. Курфюрст вместе со свитой отправился в Аугсбург. Всем были хорошо известны опасности, которые угрожали ему, и многие провожали его с тяжелым сердцем. Но Лютер, сопровождавший курфюрста до Кобурга, поддерживал их

слабеющую веру пением хорала, написанного по случаю их отъезда: "Господь — наша крепость". И эта вдохновенная песнь облегчила бремя тягостных предчувствий и опасений путешественников.

Князья, приверженцы Реформации, решили сформулировать свои взгляды, изложить их на бумаге и, подкрепив доказательствами из Священного Писания, представить этот документ сейму. Его составление было поручено Лютеру, Меланхтону и их помощникам. Это исповедание было принято протестантами как символ их веры, и они собрались, чтобы собственноручно расписаться на этом важном документе. Какой торжественный и ответственный момент! Реформаторы стремились отмежеваться от политических вопросов, они сознавали, что Реформация не должна зависеть ни от чего, кроме Слова Божьего. Когда князья-протестанты приготовились подписать выработанный документ, Меланхтон выступил вперед и сказал: "Пусть это сделают богословы и служители церкви, а авторитет великих мира сего мы должны приберечь для других вопросов". "Боже, избави вас от таких запретов! — воскликнул Иоганн Саксонский. — Я готов сделать все, что требует справедливость, и совершенно не беспокоюсь о моем престоле. Я желаю пред всеми исповедовать Господа. Для меня крест Иисуса Христа дороже, чем корона и мантия курфюрста". И с этими словами он поставил свою подпись. Другой князь, взяв перо, сказал: "Если этого требует честь Господа Иисуса Христа, я готов... отдать мое состояние и жизнь. Я скорее откажусь от своих владений и с одним посохом в руках покину землю моих отцов, — продолжал он, — чем соглашусь принять учение, не отвечающее принципам, изложенным в этом документе". Вот какова была вера этих неустрашимых мужей Божьих.

Настало время явиться к императору. Восседая на престоле, окруженный курфюрстами и князьями. Карл V принял протестантских реформаторов. Были зачитаны пункты их символа веры. На этом собрании августейших особ были открыто и определенно изложены евангельские истины и указано на папские заблуждения. Не напрасно этот день был назван "одним из величайших дней Реформации и прекраснейшим днем в истории христианства и человечества".

Прошло всего несколько лет с тех пор, как виттенбергский монах стоял один перед национальным советом в Вормсе. Теперь на его месте оказались самые благороднейшие и могущественные князья империи. Лютеру не разрешили приехать в Аугсбург, но он присутствовал там своими словами и молитвами. "Я чрезвычайно рад, — писал он, — что дожил до этого мига, когда имя Христа открыто засвидетельствовано такими знаменитыми исповедниками перед столь блестящим собранием". Так исполнились слова Писания: "Буду говорить об откровениях Твоих пред царями" (Пс. 118:46).

Во дни апостола Павла Евангелие, за которое он страдал в темнице, именно таким образом и проповедовалось перед царями и знатью. История повторилась: то, о чем император запретил говорить с кафедры, проповедовалось во дворце; то, что многие считали недостойным, неподобающим даже для слуг, обрушивалось на головы изумленных вельмож и сановников империи. Коронованные и титулованные особы были слушателями, могущественные князья — проповедниками, а проповедь была посвящена царственной истине Божьей, "С апостольских времен, — говорит писатель, — не происходило ничего более величественного, не возникало более выдающейся конфессии, не составляли более возвышенного символа веры".

"Вое, сказанное лютеранами, есть истина, мы не можем ее отрицать", — заявил папский епископ. "Способны ли вы обоснованно опровергнуть княжеское исповедание?" — спросил другой у доктора Эккена. "Писаниями апостолов и пророков — нет, — раздался ответ, — но на основе учения отцов церкви и постановлений соборов — да!" "Понятно, — заметил человек, задавший этот вопрос. — По вашим словам выходит, что лютеране основываются на Писании, а мы — нет".

Некоторые германские князья приняли реформаторскую веру. Сам император объявил, что протестантское исповедание содержит в себе сущую истину. Этот символ веры, переведенный на многие языки, распространился по всей Европе, и миллионы людей последующих поколений принимали его как основание своей религии.

Верные слуги Божьи трудились не в одиночку. В то время как "начальства, власти и злые духи поднебесной" объединились для совместной борьбы против них. Господь не забыл Свой народ. Если бы их глаза были открыты, они, подобно пророку древности, увидели бы несомненные доказательства Божественного присутствия. Когда слуга Елисея испугался вражеских войск, окруживших их, и решил, что положение безвыходное, пророк воззвал: "Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел" (4 Цар. 6:17). И вот слуга увидел множество огненных колесниц со всадниками и небесную армию, посланную защитить Божьего человека. Подобным образом охраняли ангелы и реформаторов.

Одним из принципов, которые особенно твердо отстаивал Лютер, было убеждение, что для защиты Реформации не следует прибегать ни к светской власти, ни к силе оружия. Он радовался, что немецкие князья стали исповедовать Евангелие, но когда они предложили создать оборонительный союз, заявил, что "только Бог защитит

евангельское учение... Чем меньше люди станут вмешиваться в это дело, тем очевиднее будет вмешательство Господа. Все предложенные политические меры предосторожности, по его мнению, можно приписать только унизительному страху и греховному недоверию".

Когда могущественные враги объединились, чтобы нанести поражение реформаторской вере, когда казалось, что тысячи мечей обнажены против нее, Лютер писал: "Сатана проявляет свою ярость; безбожные епископы составляют заговоры, нам угрожают войной. Увещевайте народ верой и молитвой храбро сражаться пред престолом Божьим, чтобы наши враги, побежденные Духом Божьим, были вынуждены заключить мир. Наша главная необходимость, наш главный труд — это молитва; пусть люди знают, что они подвержены мечу и ярости сатаны, пусть они молятся".

Впоследствии, вспоминая предложение протестантских князей об оборонительном союзе, Лютер говорил, что в этой войне может быть применимо только одно оружие — "меч Духа". Он писал саксонскому курфюрсту: "Исходя из велений совести мы не можем одобрять этот союз. Мы согласны лучше умереть десять раз, чем видеть, что из-за Евангелия пролилась хотя бы одна капля крови. Наша участь — быть агнцами, которых ведут на заклание. Нужно нести крест Христа. Пусть Ваше высочество не тревожится. Нашими молитвами мы сделаем больше, чем все наши враги своим хвастовством. Только пусть Ваши руки не обагрятся кровью Ваших братьев. Если император потребует, чтобы мы предстали перед его судом, мы готовы это сделать. Вы не можете защитить нашу веру; каждый должен верить, рискуя своей жизнью и подвергаясь опасности".

Из тайного места, где совершались молитвы, исходила сила, которая великим движением Реформации потрясла весь мир. В священном спокойствии слуги Божьи опирались на скалу Его обетовании. Во время борьбы в Аугсбурге Лютер ежедневно три часа посвящал молитве, причем это было самое лучшее время, которое он всегда отводил для занятий. "В уединении своей комнаты он изливал душу пред Богом в словах, полных благоговения, страха и надежды. Он обращался к Богу как к своему Другу. "Я знаю, что Ты — наш Отец и наш Бог, — говорил он, — что Ты рассеешь гонителей детей Твоих, ибо Ты Сам с нами среди опасностей. Это дело Твое, и только потому, что на то была Твоя воля, мы принялись за него. Защити нас, Отче".

Обращаясь к Меланхтону, удрученному бременем забот и страха, он писал: "Благодать и мир во Христе. "Во Христе" — я говорю, а не в мире. Аминь. Я крайне ненавижу твое чрезмерное беспокойство, которое губит тебя. Если это дело неправое, оставим его, а если оно справедливо, зачем же мы тогда опровергаем обетования Того, Кто

повелевает нам спать без страха?.. Христос способен завершить дело справедливости и истины. Он существует. Он владычествует, зачем же нам тогда бояться?".

Бог услышал стенания Своих рабов. Он одарил князей и служителей, защищающих истину против властителей тьмы мира сего, благодатью и мужеством. Господь говорит: "Вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится" (1 Петр. 2:6). Протестантские реформаторы строили на Христе, и врата ада не могли одолеть их.